

УДК 821.411.16:929 Ан-ский С.+050.(470.23–25)(09)

И. А. Сергеева

канд. ист. наук

*Национальная библиотека Украины
имени В. И. Вернадского*

СЕМЕН АН-СКИЙ И ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНИЕ «ЕВРЕЙСКИЙ МИР»

Автор, используя документы из фондов Института рукописи НБУВ (личный фонд С. Ан-ского, Ф. 339), различных фондов Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ, Москва), отдела рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ, Санкт-Петербург), статьи и публикации в русско-еврейской периодике начала XX века и другие источники, рассматривает в статье историю создания и работы повременного издания «Еврейский мир» (1908 – 1911), участие в нем выдающегося писателя и этнографа Семена Ан-ского. Анализируются социальные, политические и культурные условия работы редакционного совета, полемика о языках и судьбах евреев в России, представленная на страницах издания. Большинство архивных материалов, использованных автором при написании статьи, вводятся в научный оборот впервые.

Русско-еврейское повременное издание «Еврейский мир» выходило в Санкт-Петербурге в 1909–1911 гг. в разных форматах – как ежемесячный журнал (до декабря 1909 г.), еженедельная газета (1910–1911 гг.) с трехмесячным литературным приложением (сначала под редакцией Г.М. Португалова, с № 12 1910 г. – С.А. Троцкой). В библиографических указателях, энциклопедиях и литературе, посвященной исследованиям истории русско-еврейской периодики, указывается, что Семен Ан-ский принимал участие только в редактировании трехмесячного литературного приложения («при ближайшем участии С.А. Ан-ского»). Сохранившиеся в архивах Москвы, Петербурга, Киева и Нью-Йорка документы свидетельствуют, что от момента создания журнала и обсуждения его концепции Ан-ский активно включился в работу: писал сам, редактировал и отбирал материалы, привлекал авторов, вел с ними активную переписку.

«Еврейский мир» изначально создавался как «межпартийное» издание и призван был продолжать дело второго «Восхода». По выражению С. Дубнова, журнал должен был стать «органом... национально-прогрессивного объединения», отражая идеи созданного в 1905 г. Союза для достижения полноправия евреев в России и Фолькспартей, представителем которой в редакции, вместе с Дубновым, был Ан-ский. Последний взял на себя литературный отдел как наиболее нейтральный в издании.

Открытие нового русскоязычного журнала по времени совпало для Ан-ского с созданием и активной его работой в Еврейском историко-этнографическом обществе (ноябрь 1908 г.) и в Еврейском литературном обществе (12 октября 1908 г). Причиной появления обоих обществ стало глубокое разочарование в революционных процессах, имевших место как в Российской империи в целом, так и в процессах, происходивших в среде еврейской интеллигенции. Как писал С. Дубнов, «в ту пору, после политических разочарований и вызванного ими гнилого декадентства, в некоторых кругах молодежи, в здоровой части еврейского общества почувствовалась сильная потребность в широкой национально-культурной работе. Возрождение литературы на обоих еврейских языках и на государственном языке стало на очередь дня»¹.

После 1905 г. в еврейском обществе и, особенно, среди его наиболее активных представителей, происходили значительные изменения, обусловленные рядом общеполитических и внутриобщинных процессов. Еврейство больших городов империи активно включилось в государственную политику, получив право представительства в Государственной Думе. Во внутренней (имеется в виду – еврейской) политической жизни создавались различные партии и объединения, частью идеологически примыкавшие к общероссийским партиям (кадетов, октябристов, эсеров, социал-демократов и др.), частью представлявшие еврейские национальные движения (сионисты, территориалисты, автономисты, сторонники ассимиляции).

«В эти годы политическая дифференциация еврейских групп и партий, шедшая не только по общеполитической, но и по национальной линии, развивалась усиленными темпами. Ведь после революции вопрос стоял не только о полноправии, о гражданских правах для евреев, но и о правах национальных. Это отразилось на судьбе журнала «Еврейский мир», созданного в Петербурге на началах коалиции в 1909 г.»². На тот момент существовала редакция, в

состав которой входили С.М. Дубнов и С.А. Ан-ский – от «Фолькс-партей», Л.А. Сев и М.Л. Тривус – от Еврейской Народной группы, В. Португалов – от сионистов, А.И. Браудо – от Еврейской Демократической группы. Секретарем редакции был А.Ф. Перельман – от Фолькспартей.

В 1908 г. редакция нового издания формировалась на принципах коалиции, что, как показало время, стало одной из причин его недолгого существования. В октябре 1909 г. в результате постоянных конфликтов представителей разных партий и течений журнал остался практически без финансовой поддержки, которую обеспечивала только подписка (будучи «межпартийным», или, как позднее декларировали участники редакции – беспартийным изданием, «Еврейский мир» не имел стабильного финансирования из какой-либо партийной кассы).

К этому же времени относится и первое столкновение журнала с официальной цензурой. В октябрьскую книжку был представлен материал «Синагога и церковь», в котором цензор номера М.С. Вержбицкий усмотрел «принижение христианства» и «возвеличивание иудаизма», вследствие чего номер арестовали. Арест грозил также редактору-издателю Г. Португалову. Вспоминая этот случай, С. Дубнов, который, кстати, ошибочно относит его к осени 1910 г., рассказывал, что как автор статьи он готов был пойти в суд вместо редактора и, соответственно, понести наказание³. Только после энергичного вмешательства О. Грузенберга⁴ инцидент завершился для редакции вполне благополучно: прокуратура отменила арест номера и прекратила дело⁵.

Проблемы с подписчиками, финансовые трудности и невозможность собрать достаточный фонд для постоянного стабильного издания, разногласия внутри редакции привели к тому, что было принято решение перевести журнал в формат еженедельной газеты.

А. Перельман в своих воспоминаниях писал: «Как мы не старались держаться в стороне от этих кружковских споров, нам это не удавалось. Представители «Группы» стремились к «беспартийности», неприемлемой для других членов редакции. Они очутились в незначительном меньшинстве. Между тем их положение в редакции не соответствовало их удельному весу в деле финансирования журнала. Большинство «пайщиков» журнала было привлечено при помощи Винавера, который сам относился к журналу осторожно и не скрывал своего недоверия. <...> Наш же журнал

находился в каком-то странном положении. Большинство людей, дававших деньги на его издание, давали их не потому, что признавали его необходимость, а потому, что Винавер пригласил их на чашку чаю и сказал, что такой журнал нужен, и что на это дело надо всего несколько сот рублей»⁶.

С. Ан-ский ко времени работы в редакции периодического издания постоянно советовался по текущей работе с другом – Соломоном Гуревичем, имевшим достаточный опыт редактирования и выпуска газеты «Смоленский вестник». В одном из писем, отвечая, видимо, на сложившуюся в связи с выходом из редакции «Еврейского мира» «винаверовцев» ситуацию, Гуревич заметил: «Говорю откровенно, меня до глубины души огорчил программный проспект ваш при декабрьской книжке. Уход «группистов» я склонен был понять, как дифференциацию в сторону демократизма. И вдруг та же песня о беспартийности, да еще это ляганье по адресу однопартийных органов. К чему это?»⁷.

«Новая редакция журнала приняла ориентацию налево, и это облегчило возможность сотрудничества в «Еврейском мире» и затем в заменившем его «Еврейском обозрении» (1910) представителям еврейских социалистических партий В. Медему, Бен-Адиру и др.)»⁸. Причем кризис, связанный с выходом из редакции «группистов», усугубился до такой степени, что в февральском номере Григорий Ландау вынес на общественное обсуждение взаимоотношения с бывшими коллегами по редакции⁹.

«Еврейский мир» 1910 г., стараясь сохранять задекларированную «внепартийность», все же не смог возвыситься «над схваткой»: в большей или меньшей степени он отражал основные позиции программы «Фолькпартей», поддерживая народную группу и другие партии, разделявшие ее взгляды по вопросам формирования, постановки задач и путей реализации защиты еврейских интересов еврейской общиной в качестве структурной единицы и административного органа. Не менее острыми, в отдельных случаях приводящими к конфликтам, были публикации по вопросам языка и культуры, ассимиляции и культурного строительства евреев Российской империи. В частности, следует упомянуть публикации (кстати, печатавшиеся на первых полосах газеты), посвященные выборам в петербургской общине, Ковенскому раввинскому съезду, обсуждению программ сионистских съездов и др.

В начале 1910 г. из состава редакции вышли «винаверовцы»,

не ладили между собой Фолькпартей и Демократическая группа; С. Дубнов вступил в достаточно резкую полемику сначала с сионистским «Рассветом» А. Идельсона, а позднее – с Ахад-Гаамом (надо заметить, что в этой полемике С. Дубнов был отнюдь не одинок: не менее остро в защиту идиш и русского выступали Н. Бирнбаум¹⁰, С. Ан-ский¹¹ и другие сотрудники издания). В редколлегии постоянно происходили споры по поводу ежемесячных статей «с политической окраской». Выход из состава редакции С. Дубнова (сам он объяснял этот шаг большой загруженностью, необходимостью уделять максимум внимания «Еврейской старине» и работой над историей еврейского народа) повлек за собой отказ М. Винавера финансировать издание. В результате из примыкавших к Фолькпартей в редакции остались только Ан-ский и Перельман.

После развала коалиционной редакции и изменения формата издания (с ежемесячного журнала на еженедельную газету) в состав ее постоянных сотрудников вошли в том числе и такие крупные русские и еврейские журналисты, как Григорий Ландау, Иосиф Биккерман, Сергей Цинберг и Яков Сакер. Продолжал сотрудничать с изданием, правда, менее активно, чем в 1909 г., Семен Дубнов. Ан-ский же не только остался в составе редакции, но и активно включился в ее работу не только как руководитель отдела беллетристики, но и как автор.

В мае 1910 г. издание опять привлекло внимание официальной цензуры: за редакционную статью «Именем закона»¹², повествующую о выселении евреев из Москвы и Киева, на основании Положения о чрезвычайной охране еженедельник «Еврейский мир» был приостановлен. На протяжении четырех месяцев выходила газета «Еврейское обозрение»¹³, редактором-издателем которой стал Н.И. Дымшиц. 10 сентября 1910 г. «Еврейский мир» был восстановлен, но под редакцией С.А. Троцкой. Г. Португалов, избежав административного преследования, остался в составе редакции в качестве простого сотрудника издания.

Но на этом проблемы и трудности, преследовавшие «Еврейский мир» от самого начала, отнюдь не окончились. «В середине апреля в Москву, – вспоминает С. Дубнов, – со мною ехал и А.Ф. Перельман, секретарь «Еврейского мира», который имел другую миссию: создать в Москве какой-нибудь фонд для спасения погибающего журнала. В мае я записал: «Расторжение второго несчастного брака «Еврейского мира» с «Демократической группой» потребовало моего

участия, как и расторжение первого брака с «Народной группой». Опять пошли совещания: проектировалось сделать журнал органом «Фолькпартей», но из этого ничего не вышло¹⁴.

Во второй половине 1910 г. после долгих поисков образовалась небольшая группа, готовая поддерживать издание. Как вспоминал А. Перельман, «наиболее активным членом этой группы был видный адвокат и общественный деятель В.С. Мандель, единственный, у которого был живой интерес к журналу и который по мере своих сил поддерживал его»¹⁵. Попытались привлечь к этому и О. Грузенберга, но последний, не отказываясь от поддержки, не проявлял особого рвения и не мог, таким образом, заменить М. Винавера.

Из попыток «спасти погибающий журнал», предпринимаемых всеми участниками редакции, действительно «ничего не вышло». Издание, и без того практически все время своего существования испытывавшее материальные затруднения, оказалось на грани полного краха и не могло выдержать конкуренции с «Новым Восходом», выходящим при поддержке М. Винавера, и «Рассветом», имевшим достаточное количество постоянных подписчиков. И без того проблемная ситуация усугубилась в 1911 г., когда в состав редакции вошел И.Р. Ефройкин. Противоречия между представителями разных партий и направлений в редакции только углубились, попытка построить журнал как «междупартийное» издание была обречена на полную неудачу.

Официально газету закрыли после того, как против его редактора С.А. Троцкий было возбуждено судебное дело за публикацию редакционной статьи «Министерская критика» (№ 10, 1911 г.), в которой резко критиковалась деятельность П.А. Столыпина.

Для Ан-ского «Еврейский мир» 1909 г. и позднее – трехмесячное приложение к газете стали, с одной стороны, в некотором роде продолжением его сотрудничества в народническом «Русском богатстве» и «Вестнике Европы», с другой – «еврейской» трибуной для его социал-революционных взглядов. Об этом свидетельствует переписка с авторами, которых он старался привлечь к сотрудничеству с изданием (Аркадием Горнфельдом, Дмитрием Цензором, Львом Штернбергом и др.).

После редакционного кризиса ежемесячника конца 1909 г. С. Ан-ский в основном принимал участие в редактировании трехмесячного литературного приложения к еженедельному «Еврейскому миру», сделав его полностью «внепартийным».

Первая же книга трехмесячника 1910 г. на титульном листе имела надпись «Книга 1. При ближайшем участии С.А. Ан-ского» и была полностью посвящена беллетристике. Судя по сохранившейся в разных архивах переписке, авторов для этого тома Ан-ский утверждал сам, тщательно отбирая и редактируя каждую публикацию.

Накануне начала выхода ежемесячного «Еврейского мира» (1909), собирая первый номер журнала, С. Ан-ский пишет 27 ноября 1908 г. Бен-Ами в Женеву:

«После долгих и тяжелых усилий группы здешних литераторов удалось организовать (на паях) ежемесячный русско-еврейский журнал под названием «Еврейский мир», который начнет выходить с января будущего года <...>. Что касается отдела беллетристики, которым я заведу, то редакция поставила своей основной целью знакомить своих читателей с лучшими произведениями еврейского художественного творчества, на каком бы языке они не писались (будут переводы с рукописи). К Вам, глубокоуважаемый Бен-Ами, обращаюсь к одному из первых с просьбой не отказать нам в Вашем сотрудничестве, которое мы дорого и высоко ценим, и, если возможно, прислать нам Ваши произведения уже к первой книжке журнала»¹⁶. Как пишет автор книги о Бен-Ами Лаура Салмон, писатель сразу отправил в Петербург рукопись на русском языке, которая в первой книге журнала не была опубликована по ряду причин. 24 февраля 1909 г. он получил письмо на бланке редакции «Еврейского мира», в котором, в частности, указывалось, что «рукопись пришла слишком поздно, что ее содержание было опасно (недостаточно «цензурно») и что, кроме того, в январе она уже вышла на идиш (с практически идентичным текстом) в сборнике «Дер Фрайнд». <...> Журнал «Еврейский мир», как указывается в письме, никогда бы не согласился принять материал, уже вышедший «по-еврейски», чего Бен-Ами знать, конечно, не мог»¹⁷. Мотивированный отказ в публикации в первой книжке журнала, к счастью, не привел к отказу от сотрудничества. Начиная с майской книжки в течение двух лет Бен-Ами достаточно регулярно публиковался на страницах ежемесячника (1909) и позже – трехмесячного литературного приложения (1910). Так, уже в первом номере 1910 г. (как писала редакция журнала – «полностью посвященном беллетристике»), помещено одно из лучших беллетристических произведений Бен-Ами – рассказ «Субботние свечи».

Если Бен-Ами сразу, как видно из исследования Л. Салмон,

откликнулся на предложение сотрудничества, то с Дмитрием Цензором у Ан-ского завязалась достаточно оживленная переписка. «Глубокоуважаемый Г. Цензор! С января буд[ущего] года начнет выходить в Петерб[урге] ежемесячный русско-еврейский журнал «Еврейский мир», в состав редакции которого входят С.М. Дубнов, А.И. Браудо, М.Б. Ратнер, М.Л. Тривус, я и некот[орые] другие.

Как заведующий отделом художественной литературы, обращаюсь к Вам с горячей просьбой принять участие в нашем журнале. Полагаю, что автор Песен Гетто не останется равнодушным к появлению после 3-летнего перерыва еврейского журнала и будет в нем работать, поэтому заранее приношу Вам мою искреннюю благодарность. <...> Надеюсь, что Вы не замедлите ответить на мое письмо и уже вместе с этим пришлете нам что-ниб[удь] для 1-ой книжки»¹⁸.

Дмитрий Цензор, видимо, ответил любезным согласием, но стихи не прислал, поэтому С. Ан-ский опять, уже более настойчиво, просит его: «Глубокоуважаемый коллега! Несколько дней был в отъезде, поэтому не ответил Вам сейчас же на Ваше милое письмо. Горячо благодарю Вас за Ваше теплое отношение к «Евр[ейскому] М[иру]» и готовность в нем работать. Редакция очень хотела бы, чтобы в 1-ой книжке было Ваше стихотворение – и хотя материал для нее уже почти готов и находится в наборе, мы оставили для Вас место, и если Вы пришлете до 10-го января (максимальный срок. Книжка должна выйти 20-го) мы сможем поместить Ваше стихотворение. Очень (подчеркнуто С. Ан-ским) прошу Вас об этом. По получении Вашего письма я сейчас же распорядился о помещении Вашей фамилии в список постоянных сотрудников. Очень сожалею, что не имел возможности сделать это раньше. Надеюсь, не откажите в нашей просьбе»¹⁹.

Несмотря на подчеркнутое «очень», Цензор просьбу не выполнил, поэтому Ан-ский, не без юмора, решил обратиться к поэту стихами: «Дорогой Дмитрий Михайлович! Поэт, властитель вечных слов / И ярких звуков повелитель, – / Законный царь своих рабов; / Дворец и храм – его обитель. / А слово царское – закон! / Когда стихи он обещает, / То хоть бы рухнул небосклон, – / Он обещанье исполняет!.. Где же стихи, которые Вы обещали для «Еврейского Мира»? Мы ждем их с нетерпением. Книжка (2-ая) уже верстается – и в ней должно непременно быть Ваше стихотворение. Жду и надеюсь»²⁰.

И последнее письмо, – официально, на бланке журнала «Еврейский Мир»: «Ну?.. С. Ан-ский»²¹.

Это «Ну?» возымело действие. Во второй книжке было помещено стихотворение Дм. Цензора «Путник. Легенда»²². В дальнейшем автор оказался более стоворчивым и активным: приготовил и опубликовал еще два произведения: «Чудо. Псалом»²³ и «Из древних песен»²⁴.

Первый же номер журнала вызвал достаточно резкие разногласия в редакции, особенно в двух «принципиальных вопросах, стоящих тогда на очереди в порядке дня: в вопросе о языке и о характере будущей еврейской общины»²⁵. Демократическая часть петербургской еврейской интеллигенции активно поддерживала идишитское течение, признавая равное право литературы на идиш, русском и иврите. Главным критерием для писателей, работавших на этих языках, была, по мнению сторонников культурной автономии, еврейская тема в произведениях. На одном из публичных вечеров Еврейского литературного общества С. Ан-ский выступил с докладом «Равноправие языков в еврейской литературе», в котором со свойственной ему импульсивностью утверждал, что «к еврейской литературе должно быть отнесено творчество еврейских писателей на еврейские темы, независимо от языка, на котором написаны их произведения; что для еврейской национальной культуры одинаково ценна еврейская литература на древнееврейском, разговорно-еврейском (идиш) или русском языке»²⁶. Доклад вызвал острую полемику, вне которой не мог оставаться «Еврейский мир». В нее включился молодой А. Перельман, опубликовавший заметку «Вопрос о языке» и отстаивавший тезис о «равноценности еврейской художественной литературы на разных языках»²⁷.

Со своей стороны С. Ан-ский обратился к А. Горнфельду, с которым он был в добрых отношениях в течение многих лет, с просьбой подготовить материал для первой книжки: «Дорогой Аркадий Георгиевич! Судьба прямо таки преследует мои встречи с Вами. Никак не могу застать Вас. Мне и вообще очень хотелось повидаться с Вами, и дело у меня к Вам есть: о нашем новом журнале «Еврейский мир». С Вами уже говорили о нем, и Вы высказали и свое сочувствие, и готовность помочь ему. И вот об этом хотел с Вами говорить. В первой книжке должна быть Ваша статья. От имени всей редакции горячо прошу Вас не отказать в этом. Дело организации этого журнала потребовало столько труда, и так много

предстоит труда, пока удастся поставить журнал на «фундамент», что редакция одними своими силами не справится с этой задачей, – и необходимо тем, кто может, помочь этому. А Вы можете. Ваша статья в первой книжке – для журнала очень-очень много. Жалко, что приходится все это писать. Надеюсь, позволите зайти к Вам, когда буду в городе: в среду или четверг. Горячо жму Вашу руку и крепко люблю Вас. Ваш Раппопорт»²⁸.

По поводу статьи А. Горнфельда в редакции возникли разногласия. Первое, что вызвало возражения со стороны большей части участников, было название статьи. Определение «жаргонная литература» было совершенно неприемлемо, по мнению большинства, для определения литературы на языке, которым пользуется большинство евреев. Не менее горячие споры возникли и по поводу того, что Горнфельд выступал против авторов, пишущих на идиш только в расчете на то, что в дальнейшем работа будет переведена на русский язык²⁹. Тем не менее, статья была опубликована, как и настаивал С. Ан-ский, в первом же номере журнала, и открыла полемику о еврейской культуре и языке, в котором эта культура должна существовать и развиваться. Все три года, которые выходил «Еврейский мир», независимо от изменения формата издания и состава редакции, на его страницах представители еврейской интеллигенции активно обсуждали языковой вопрос, из области культуры перешедший в область партийной и национальной идеологии.

В трех летних книжках журнала вышла большая работа этнографа и историка Льва Штернберга «Сахалинские евреи (Из воспоминаний политзаключенного)»³⁰, представляющая исследование, написанное на основе материалов, собранных во время сахалинской ссылки³¹. В личном фонде Штернберга в Архиве РАН сохранилась открытка, написанная С. Ан-ским в апреле 1909 г.: «Дорогой Лев Яковлевич! Был в Питере, и в редакции меня убедительно просили съездить к Вам и самым убедительным образом просить приготовить статью к понедельнику вечера, если нельзя утром, иначе задержится вся верстка номера. К сожалению [самому] поехать к Вам некогда, но и со своей стороны самым убедительным образом прошу «приналечь» и сдать статью на понедельник. Нам теперь каждый день страшно дорог в смысле более раннего выхода книги. Вашу рукопись читаю. Прочел пока около трети – мне очень нравится. Если и дальше так будет, с удовольств[ием] поместим»³².

Лев Штернберг по политическим убеждениям примыкал к

группе винаверовцев (что, кстати, было удивительным для А. Перельмана, который считал, что бывший народоволец и политссылный не должен быть сторонником Народной группы³³). Очевидно поэтому именно Ан-ский, в отличие от С. Дубнова – человека в достаточной степени категоричного, обратился к Л. Штернбергу, а присланный последним материал оказался в разделе беллетристики, а не в научном отделе, подведомственном Дубнову.

Со Шмуэлем Нигером С. Ан-ского связывали тесные отношения, общность взглядом, понимание задач, стоящих перед еврейской творческой интеллигенцией. Поэтому совершенно естественно, что Ан-ский обратился к нему с предложением (а вернее сказать – с настоятельной просьбой) о сотрудничестве с «Еврейским миром». В архивах сохранились письма Ан-ского Нигеру, раскрывающие эту страницу в отношениях двух писателей: в этом варианте – редактора и автора. «Любимый Нигер! Помните, мы рассчитывали на Вашу статью к третьей книге (Вы же понимаете, нам нужно ее приспособить. Я должен просмотреть, так как не так давно редактор не смог взять статью и предъявил претензии) Относительно р. Менделе или же другой темы, присылайте как можно быстрее, последний срок 8 марта. Напишите, можно ли на Вас еще рассчитывать»³⁴. Статья так и не была написана, во всяком случае в «Еврейском мире» она не выходила. Только к июньской книге от Нигера пришла статья «Певец богемы»³⁵, посвященная творчеству Г. Номберга.

После настойчивых просьб к августу 1909 г. Нигер написал большую статью о Бялике, которую поместили в восьмом номере³⁶, арестованном цензурой. По поводу этого инцидента Ан-ский писал Нигеру: «Ваша статья о Бялике напечатана в 8-й книге. Эту книгу конфисковали, поэтому Вы ее не получили. Теперь конфискацию отменили, и номер, наверное, будут читать больше, чем другие, хорошая реклама!»³⁷. Ему же Ан-ский предлагает взять на рецензирование новые издания и книги, поступившие в редакцию³⁸, подготовить статьи о творчестве еврейских идишистских писателей и публицистические статьи, посвященные проблемам литературы и языка. «Мы очень рассчитываем на Ваше сотрудничество в трехмесячном журнале, который мы вскоре разгребем. Пока о недельном листке – Ваша статья о литературе (критическая) и о вопросах литературы и культуры (публицистических) будут лучшими в «Еврейском мире». Вы сможете печататься каждую или почти каждую неделю»³⁹.

Как следует из переписки, С. Нигер оказался не очень обязательным автором, некоторые тексты приходилось добывать: «Слушайте, реб Шмуэль, не могу даже выразить, какую неприятность мы имеем из-за того, что от Вас до сих пор не получили. Я так надеялся на Вас! Ладно, что было, то было...»⁴⁰.

Результатом сотрудничества стали несколько публикаций в журнале и еженедельнике, к одной из которых – «О сочувствующих» – мы еще вернемся.

Среди авторов, работа с которыми складывалась удачно и завершалась статьями, обзорами или рецензиями, были Цви Гиршкан, С. Мстиславская (Дубнова-Эрлих), С. Гуревич, Э. Гуревич, П. Марек и др.

Однако, далеко не все авторы, с которыми общался Ан-ский – редактор, были профессиональными литераторами или исследователями. Сразу после объявления о готовящемся к изданию новом журнале на адрес редакции и на личную почту Ан-ского начали поступать письма и произведения (по большей части написанные бездарно или, по крайней мере, безграмотно) начинающих авторов. Сохранилась часть этой переписки и небольшой архив редакции «Еврейского мира»⁴¹. Приведем несколько примеров из этой переписки.

Из письма Л.М. Рубинова (Полтава), 16 ноября [1908]: «<...>я печатался в разных русско-еврейских периодических изданиях – в «Восходе», «Будущности» и «Еврейской жизни». В настоящее время мною заканчивается большая повесть под названием «Пережитое». <...> Как я узнал, с января начнет выходить в Петербурге ежемесячник на русском языке. Если можно, просил бы Вас сообщить, могу ли я надеяться, что смогу напечатать повесть в Вашем журнале. Я выше уже упомянул, что я заканчиваю эту вещь, и, если Вам угодно, могу в первых числах декабря (во всяком случае не позже 15) предоставить Вам часть рукописи, уже отделанную для печати, по которой сумеете составить себе мнение о всей работе: подойдет ли она или нет»⁴².

Из писем Бориса Осиповича Заца из Бердичева. 26 июня 1909 г. «<...> Кажется Пушкин говорил: творчеству – миг, правке – час. Вы то же самое мне советуете и подчеркиваете это, как необходимое условие. <...> Вы дали мне генеральный бой, разбив по всем пунктам, и все таки я Вам очень признателен за этот урок...»⁴³. «<...> Основная мысль Ваша, к сожалению, осталась для меня неясной, вследствие сжатости изложения. Очень огорчен, что стихи не ярки. Без-

время и нужда отражаются на творчестве – гасят огонь души и затемняют краски. Посылаю при сем 2 стихотворения и прошу Вас очень поместить этих в журналах...»⁴⁴ (б.д.).

Письмо А. Гусятинского, Луганск, 2 августа 1911 г.: «<...> Настоящим обращаюсь к Вам с просьбой насколько возможно внимательней прочесть присылаемые мною при сем стихотворения и, судя по ним, совершенно откровенно, без какой-либо жалости, дать мне письмом отзыв о степени моего дарования (если таковое вообще имеется)». В фонде журнала «Еврейский мир» сохранились присланные г. Гусятинским стихи. Хотим привести только небольшой фрагмент: «Сладко, жутко темной ночью, / Только мир кругом задремлет, / Встать, одеться, сесть тихонько / И писать, писать, писать!»⁴⁵. На имеющихся листах рукописей не сохранились какие-либо пометки, сделанные Ан-ским. Впрочем, это и не было актуально: издание ко времени присылки стихов уже было закрыто.

Впрочем, далеко не все авторы и корреспонденты были тактичными и сдержанными. Сохранились письма к С. Ан-скому, написанные достаточно резко, с требованием или немедленно опубликовать представленную в редакцию рукопись, или вернуть ее автору, в лучшем случае – прислать развернутый отзыв о материале.

По поводу письма одного из корреспондентов Ан-ский вынужден был даже написать на страницах еженедельника. В 1910 г. Ан-ский по заданию Еврейского литературного общества посетил с лекциями города «черты оседлости», где встречался с еврейской общественностью. В Бердичеве он познакомился с неким Липой Лифшицем, у которого, видимо, взял его текст с обещанием посмотреть. Что было с текстом дальше – сказать трудно. Но результатом поездки стала статья С. Ан-ского «Провинциальная жизнь», опубликованная в нескольких номерах газеты «Еврейское обозрение»⁴⁶. 28 июня того же года датировано письмо Л. Лифшица, в котором он пишет: «Полгода протекло с тех пор, как Вы в Бердичеве взяли у меня мою рукопись с рисунками для пересмотра и, при возможности, помещения где-нибудь, и я до сих пор, несмотря на мои напоминания Вам, не удостоился получить от Вас никакого известия ни о судьбе самого моего труда, ни о том, удосужились ли Вы уже прочесть его, ни о том, как Вы его нашли»⁴⁷. Далее корреспондент в достаточно резкой форме высказывается по поводу статьи «Провинциальная жизнь» (относительно первых двух частей) и комментирует дискуссию, по всей видимости, возникшую во время лекции в Бердичеве.

С. Ан-ский, категорически не согласный с Л. Лифшицем, вынужден был в завершение статьи дать свой *post scriptum*: «В одном из моих предыдущих очерков «Провинциальной жизни» («Евр[ейское] Обозр[ение]», № 5) я, между прочим, упомянул об одном старике-маскиле, который выступил на моей лекции в Бердичеве с «определенно ассимиляторской речью». На днях я получил от моего оппонента, г. Л., письмо с указанием, что я неверно передал смысл его речи. Считаю нужным привести здесь его поправку:

«Называя мою речь определенно ассимиляторской, вы неточно передаете мои убеждения и цели этой речи... Я ведь тогда же публично объявил и теперь вам повторяю, что я не за ассимиляцию. Правда, мой исходный пункт не национализм, а религия, но это дела не меняет. Неужели из того, что евреи не составляют отдельной нации, следует, что они должны растворяться без остатка в русской или какой-либо другой нации?.. Если же вы под словом «ассимиляция» подразумеваете какое-либо другое понятие, то мы, очевидно, разговариваем на двух совершенно разных языках».

Очевидно! И на моем языке «непризнание евреев особой нацией» и называется ассимилятором»⁴⁸.

Сохранившиеся в Национальной библиотеке Украины имени В.И. Вернадского документы редакции «Еврейского мира»⁴⁹ позволяют раскрыть работу С. Ан-ского – редактора, его литературные и тематические пристрастия и взгляды. В 1910–1911 гг. писатель на страницах издания реализует основные задачи Еврейского литературного общества, членом которого он был с 1908 г. Следует отметить, что, судя по редакционному портфелю, Ан-ский как редактор отдела беллетристики ставил задачу не только публикации произведений русско-еврейских авторов, но и русские переводы из известных еврейских авторов, писавших на идиш и иврите, исторических материалов, литературной критики, что полностью совпадало с идеологией «Еврейского мира». При этом следует заметить, что в журнале (в период его издания и в оставшейся редакции) практически нет публикаций, так или иначе связанных с работой Ан-ского – этнографа. Видимо это обусловлено, в первую очередь, тем, что «Еврейский мир» писатель рассматривает и реализует как трибуну для публицистики и художественных произведений, этнографические же и исторические свои изыскания он помещает в трехмесячнике ЕИЭО «Еврейская старина» и в альманахе «Пережитое», определяя для себя значение и специализацию этих последних изданий.

Хотя официально «Еврейский мир» был закрыт в середине 1911 г., редакция просуществовала, судя по крайним датам на документах, до 1917 г. и была ликвидирована только после Октябрьской революции.

С. Ан-ский, как показано выше, с момента организации журнала принимавший самое деятельное участие в подборе авторов, материалов, редактировании, выработке идеологической концепции «Еврейского мира», выступает на его страницах и как автор многочисленных публицистических статей, небольших беллетристических зарисовок и поэзии. Даже после распада коалиционной редакции он не оставляет работу (с еженедельным изданием) не только в качестве автора, но и в составе упоминаемых редакцией постоянных сотрудников.

В 1909 г. писатель опубликовал на страницах ежемесячника всего четыре произведения, причем три из них – поэтические. В первой же книжке вышло сказание «Суд» («В Яссах, в старой синагоге...») ⁵⁰, «Над чем рыдает он: Стихотворение в прозе» ⁵¹, «Под маской (рассказ старого маскила)» ⁵² и часть из поэмы «Асмодей» – «Ангел смерти» ⁵³. Вышел также стихотворный перевод «Легенды» («По улицам мрачным...») Д. Айнгорна ⁵⁴. Интересно, что в 5-томном собрании сочинений С. Ан-ского, изданном в 1911 г., стихотворение вышло под авторством писателя, с примечанием – «Из Д. Айнгорна» ⁵⁵.

После изменения формата издания на еженедельную газету и, особенно, после прекращения трехмесячного приложения (напомним, выходившего с припиской на титуле – «При ближайшем участии С. Ан-ского») он активно сотрудничает с «Еврейским миром» в качестве автора и публициста.

Первый номер еженедельника «Еврейский мир» 1910 г. открывается программной статьей-воззванием: «<...> Шаг за шагом, непрерывным трудом каждого дня над разрешением ставимых жизнью задач – так строится сила народа, так решается его участь. Освещая эту работу беспристрастно, зорко следить за каждым ее поворотом, посильно участвовать в подготовке ее – и тем ее частично осуществлять, – имея критерием успешность народного строительства совокупностью национальных сил – такова задача независимой печати, дело которой возлагает на себя «Еврейский мир» ⁵⁶.

Материалы, помещенные в этом номере еженедельника, во многом характеризуют основные темы и направления сотрудничества Ан-ского с газетой. Статья «Провинция. Парадоксы жизни и смер-

ти» – острая, практически на уровне манифеста, критика практики крещения евреев, отказа от своих корней, ассимиляции и отхода от еврейской культуры. «<...> Но если среди евреев почти незаметно усиления физических самоубийств, то у них проявилась столь же болезненная и парадоксальная эпидемия на почве духовной, эпидемия национальных самоубийств»⁵⁷. Весь опыт жизни писателя, его участие в народничестве, годы, проведенные среди христиан и последовавшее за этим возвращение к корням, к своему народу, выражены в одной фразе: «Эти рассуждения (о том, что крещение – «рenegатство ради карьеры». – *И.С.*) страдают только одной маленькой недомолвкой. В них опущено то обстоятельство, что при помощи священника, пастора или муллы еврей может переменить только религию, но не национальность; что приняв православие, лютеранство или магометанство он не может стать ни русским, ни поляком, ни татаринoм. И крещеный еврей, отрекшийся от своего народа, остается вне всякой национальности, вне жизненной связи с главным источником культурного творчества. И получается один из самых трагических парадоксов. Из стремления к широкой культурной жизни и духовному творчеству люди отрубают себя от своего жизненного корня и остаются одинокими и отверженными»⁵⁸.

Тема крещения и фактической ассимиляции евреев, отказа от своей идентичности в угоду комфортному существованию в окружении других народов, поднятая Ан-ским в заметке «Провинция», нашла продолжение в его литературном диспуте с другом и соратником Хаимом Житловским. В кратком изложении и с позицией редакции «Еврейского мира» этот диспут представлен был на страницах газеты⁵⁹. К обсуждению темы ассимиляции писатель возвращался еще не раз, в том числе и в публикациях в «Еврейском мире».

Биография С.А. Ан-ского, в значительной мере, – типичная биография русского еврейского интеллигента, который воспринимал мир за пределами “еврейской улицы” в категориях русского языка, русской культуры и во многом – русского идейного и политического поля. Социализация в русской культуре и политике (порой вместе с социализацией в западной культуре, а чаще – как средство приобщения к западной цивилизации) становилась парадигмальным опытом, который затем переносился в еврейский национализм и возвращался обратно на “еврейскую улицу”.

Семен Ан-ский – националист «культурный», для него восприятие еврейского начинается не с лозунгов и призывов, а с воспи-

тания ребенка. Именно в этом, а не в решении территориальной проблемы или высокого спора о том, какой язык более еврейский (как увидим дальше, для Ан-ского «языковой вопрос» лежит в иной плоскости), видит он основную задачу. Показательна в этом отношении его статья «Колыбельная ассимиляции»⁶⁰. В ней писатель (и надо заметить, с полным правом, на себе проверив многое из того, о чем пишет) отстаивает семейное (читай – еврейское) воспитание еврейского ребенка. Бороться с ассимиляцией, а зачастую и с крещением, замечает он, надо не путем полного отрицания всего нееврейского, а национальным воспитанием с раннего детства. Только в таком случае вопрос с переходом еврейской молодежи в христианство или иную религию не будет стоять столько остро. В случае же отсутствия домашнего национального воспитания ребенок в определенный момент начинает воспринимать еврейство как наказание, так как основой его воспитания, формирования и дальнейшего успешного общественного существования является нееврейская культура окружающих народов. По мнению С. Ан-ского, социализация еврейского ребенка должна начинаться как можно раньше. «Всем хорошо известно, что впечатления раннего детства оставляют самый глубокий след в психике человека <...> Язык колыбели и детской, на котором ребенок воспринимает первые впечатления бытия, познает названия предметов и явлений остается на всю жизнь *родным* языком, интимным, часто бессознательным орудием мысли и чувства»⁶¹. Далее, анализируя процесс воспитания еврейского ребенка в городской (интеллигентной – по определению Ан-ского) семье, когда детям приглашают не еврейских нянь, отдают в общую школу, читают нееврейские книги и т.д., приходит к выводу, что «борьба должна быть направлена не столько против эпидемии крещений, сколько против тех условий воспитания, которые готовят эти крещения, и, между прочим, против колыбельной и школьной ассимиляции еврейского юношества»⁶².

В определенной степени иллюстрацией позиции Ан-ского – убежденного сторонника национальной культуры и национального (не путать с сугубо религиозным) воспитания является автобиографическая статья «Грехи юности» и грехи старости (Из воспоминаний)⁶³. «Большую роль сыграла в моей жизни книга Лиленблюма. «Chatath Neurim», правда, не была для меня «первой книгой», книгой откровения: до нее я уже читал «Зерубавель» И.Б. Левинзона, романы Мапу и Переца Смоленскина, «Гашахар», но, тем не менее,

именно она имела на меня наиболее сильное влияние. С прочтением «Chatath Neurim» окончательно завершился религиозный переворот, происходивший в моей душе, исчезли все сомнения и колебания. Я сделался «закоренелым вольнодумцем» и со страстью неопита принялся проповедовать свою «новую веру»⁶⁴.

Своеобразным ответом в диспуте с самим собой (молодым «вольнодумцем» и зрелым «культурным националистом») является небольшая новелла «Mah nischtano...», вышедшая через месяц⁶⁵. «<...> Но теперь родители не одни за столом. Вместе с ними сижу и я, вернувшийся под отчий кров. <...> – Что же... Четыре вопроса ты будешь задавать?.. Да! Я буду задавать их! <...> Но обращаюсь я с моими вопросами не к сидящему за столом отцу, а к великому ряду предков, сотен и сотен поколений, образующих живую связь между мною и поколением освобожденных рабов Египта. Много у меня вопросов, страшных и трепетных. И буду я их задавать не со спокойствием «мудрого сына», а с мучительной страстностью кающегося «roscho» <...>»⁶⁶.

В этом же номере помещен краткий отчет о заседании Еврейского литературного общества (27 декабря 1909 г.), посвященном 25-летнему юбилею литературной деятельности С. Ан-ского. Как пишет автор заметки, в своем заключительном слове писатель, искренне поблагодарив всех собравшихся за теплые слова и всех, приславших приветствия, выразил веру «в рассвет растерзанной на три части еврейской литературы и в возрождение многострадального еврейского народа»⁶⁷. Для Ан-ского – публициста, замечание о «растерзанной литературе» не просто красивые слова: он сам, будучи писателем двуязычным, горячо отстаивает право еврейских литераторов на идиш, древнееврейский и русский как языки национальной литературы. «Тяжела судьба писателя вообще, но особенно судьба еврея писателя, ибо душа его разорвана, он живет на двух улицах, тремя языками»⁶⁸, – в таких словах обобщил Ан-ский свой 25-летний опыт писательства и общественной деятельности.

Полемика о языках, о «правах» идиш, древнееврейского и русского в культурном и общественном процессах начала XX в. является едва ли основной темой «Еврейского мира», отражает идеологию редакционной коллегии (напомним – коалиционной) повременного издания. С. Ан-ский, как уже говорилось, принимал в этой полемике непосредственное участие, определив статус этого спора как «мучительный вопрос нашей культурно-национальной жизни»⁶⁹.

В октябре 1910 г. была опубликована статья «Письмо по адресу»⁷⁰ В. Медема, одного из радикальных сторонников идишизма, автор которой бескомпромиссно выступил в защиту литературы и культуры на идиш, дойдя в своей позиции до отвержения старой – древнееврейской – литературы и книжности: «Не близится ли время более энергичного размежевания культурных работников? Размежевания не словесного (на словах размежевываются без конца и никак не могут провести окончательной межи), а делового. Быть может, это освободит ту связанную энергию, которая могла бы пойти на культурную работу в указанном смысле» (имеется в виду – работа по пропаганде и включению идиш во все сферы еврейской культурной жизни). Правда, в конце достаточно воинственной статьи (автор даже позволяет себе написать «a la guerre, comme a la guerre») Медем пишет: «Мы также полны уважения к старым ценностям многовековой культуры. <...> И язык этой культуры также не встретит непочтительного отношения с нашей стороны. Пусть покоится в красном углу нашей научной работы и исторической традиции. Но на большой дороге живой жизни место тому, что требует эта жизнь»⁷¹.

Ан-ский в достаточной степени резко отреагировал на эту статью (заметим, вышедшую в том же номере, что и его «Колыбельная ассимиляции»). Для него, умудренного жизненным опытом, неприимиримость Медема, его категоричность в вопросе культурного строительства были неприемлемы. «Итак, решимость, нетерпимость, размежевание, как результат – «освобождение энергии». Боже мой, какие знакомые речи и термины, и как часто приходилось их слышать! Все взаимные отношения наших революционных партий в недавнее время сводились к этим двум лозунгам: нетерпимость и размежевание. Только и знали, что отмежевывались и размежевывались. Отмежевывались социалисты от радикалов, соц.-демократы от соц.-революционеров, бундовцы от сионистов, сионисты-социалисты от сионистов буржуазных, бундовцы от серповцев, серповцы от паолой-сионистов. А в самой социалдемократической партии только и делали, что размежевывались: сперва шло яростное размежевание между искровцами и рабочедельцами, затем начали еще более яростно размежевываться «плехановцы» и «ленинцы», <...> И все это с возрастающей нетерпимостью, и все это во имя «освобождения энергии». И она так и в конце-концов, «освободилась»... Ох, как освободилась!..»⁷². По существу же высказываний Медема

Ан-ский писал: «Г. Медем упустил из виду одно маленькое обстоятельство. То «прошлое», которое «*живет* в шкафу», не есть мертвое прошлое, не есть икона, а жизненный элемент настоящего. Он упустил из виду, что, если мы хотим сделать наш еврейский язык *национальным*, и создать *национально-еврейскую* культуру, то в основе и языка и культуры должно лечь то «прошлое», которое «живет в шкафу», потому что живет оно и не только в шкафу...»⁷³.

Но, пожалуй, тем, что наиболее полно аккумулирует и отражает отношение Семена Ан-ского к проблемам национально-культурного строительства, задачам, стоящим перед еврейской интеллигенцией Российской империи в начале XX в., является статья «Национализм творческий и национализм разговорный»⁷⁴. Ан-ский развивает тему, поднятую тремя месяцами ранее его близким другом, писателем-идишистом Шмуэлем Нигером в публикации «О «сочувствующих» (К вопросу о языке)»⁷⁵. Публикуя материал, редакция газеты сразу поставила сноску: «Давая место взглядам г. Нигера, редакция предполагает вернуться в ближайших номерах к освещению затронутого вопроса». «В еврейском обществе должны были все чаще встречаться люди, не только «признающие» еврейский язык своим, но и *пользующиеся* им, как своим, – пишет Ш. Нигер. – На самом деле количество интеллигентов, говорящих, пишущих или читающих *на* еврейском языке, ничтожно в сравнении с теми, которые говорят, пишут или читают *о* нем и в пользу него»⁷⁶. Взгляды автора статьи во многом совпадают с взглядами С. Ан-ского, изложенными в «Колыбельной ассимиляции», но Нигер гораздо более категоричен: «только тогда, когда преодолев предрассудки и сбросив с себя «стыд», ложный и смешной, значительная часть интеллигенции перестанет коверкать языки окружающих нас народов и начнет употреблять язык, звучащий в устах и в крови собственного народа, – только тогда можно будет влиять и на другие, еще индифферентные в национальном отношении группы интеллигенции»⁷⁷.

В своей статье С. Ан-ский, анализируя культурно-историческую и политическую ситуацию, сложившуюся в интеллигентной еврейской среде (следует подчеркнуть – городской, а точнее – столичной), пишет, что процессы ассимиляции, «массовый уход от еврейства, простой и квалифицированный («с переменою паспорта»), чуть ли не при благословении старого поколения»⁷⁸ становится едва ли не нормой. И это происходит на фоне появления и развития достаточно большого количества национальных политических партий

и движений, каждая из которых в своих программах декларирует национальное возрождение. Безусловно, замечает писатель, борьба за национальное сознание «особенно усилилась в середине последнего десятилетия, когда образовалось национально-демократическое движение, имевшее целью национальное возрождение еврейского народа в диаспоре. Однако, зародившись в революционную эпоху, когда все силы были устремлены на борьбу с *внешними* препятствиями, а внутренняя, творческая, культурная работа не только игнорировалась, но и фактически не могла свершаться, это национальное движение оставалось исключительно в области идейной»⁷⁹. По мнению Ан-ского, «область идейная», определенная как «*разговорный национализм*, при котором происходит не творческое дело, а «борьба языков» в самом простом, каламбурном смысле этого слова», остается за рамками реальной жизни общества. Для борьбы с ассимиляцией необходимы лозунги и практические действия, призванные консолидировать это самое общество. Таким консолидирующим лозунгом должен стать «*еврейский народный язык*», так как «для создания национальной культуры родной язык народной массы является если не единственным, то одним из первых и основных фактов»⁸⁰.

Но, в отличие от Ш. Нигера, Ан-ский не считает, что только национальный язык является определяющим вектором развития национальных процессов русского еврейства. Он утверждает, что «только при полной оторванности от жизни с ее многочисленными задачами можно сводить всю национальную жизнь великого исторического народа к одному явлению, языку»⁸¹. Следовательно, недостаточно «усилия воли», как призывает Нигер, чтобы интеллигенция, интегрированная во все сферы экономической жизни государства, вернулась к своему народу исключительно посредством возвращения к своему, народному языку. Поэтому Ан-ский, как главную, определяет другую задачу, или, как он пишет – «другую формулу»: «вне творческой национальной деятельности нет способа вернуться ни к языку, ни к народу»⁸². <...> Основная задача настоящего момента – творческая, культурно-национальная деятельность», особенно подчеркивая, что «<...> задача настоящего дня не «борьба языков», которая у нас сводится к муждуособной войне между нашими двумя национальными языками, а *борьба культур*, еврейской – с теми чужими культурами, которые грозят окончательно поглотить ее»⁸³.

Вся работа Семена Ан-ского в «Еврейском мире»: публицистические статьи, поэзия, фельетоны и рассказы (мы сознательно оставляем последние за рамками этого исследования, так как литературоведческий анализ не входит в нашу задачу), его последующие этнографические исследования, статьи и публикации в еврейской и русско-еврейской периодике, художественная и драматическая проза направлены на реализацию «задачи настоящего момента» именно в той формуле, в которой ее представил писатель и этнограф.

Макс Винавер, вспоминая совместную работу с Семеном Анским, писал: «Народническая вера и художественная влюбленность в быт не могли не привести Ан-ского к культуре народного еврейского языка. В этом языке слышался ему стон столетий, слышались и призывы к борьбе, и возможный голос пробуждения – вся гамма чувств и переживаний, не разложимых для поэта и неотделимых от языка. Ан-ский не борется против древнееврейского языка и отстаивает жаргон не рациональными доводами, не соображениями целесообразности. Он его просто любит и не может не любить душою народника – поэта. И в этом не было также антагонизма между его «русской» и «еврейскою» деятельностью»⁸⁴.

¹ *Дубнов С.М.* Книга жизни. – М. ; Иерусалим, 2004. – С. 323.

² *Аронсон Г.Я.* Русско-еврейская печать // Книга о русском еврействе от 1869-х годов до революции 1917 г. – М. ; Иерусалим, 2002. – С. 575.

³ *Дубнов С.М.* Книга жизни.

⁴ Грузенберг Оскар Осипович (1866, Екатеринослав – 1940, Ницца, Франция) – юрист, общественный деятель. Выступал защитником на процессах видных литераторов и общественных деятелей и по политическим делам. Был защитником на нескольких процессах по обвинениям в ритуальных убийствах, в том числе вел защиту на процессе по делу Бейлиса (1913); с осени 1905 г. член партии кадетов, автор множества статей, в том числе и в русско-еврейских периодических изданиях.

⁵ *Эльяшевич Д.* Правительственная политика и еврейская печать. 1797–1917. Очерки истории цензуры. – СПб. ; Иерусалим, 1999. – С. 422

⁶ *Перельман А.* «Еврейский мир». Глава из воспоминаний // Вестн. Евр. ун-та в Москве. – 1998. – № 2. – С. 255-256.

⁷ Письмо Соломона Гуревича – Семену Ан-скому. Смоленск, 31 декабря 1909 г. – Отдел фонда иудаики Нац. б-ки Украины им. В.И. Вернадского, ф. 339, № 408, л. 1. – (далее – ОФИ НБУВ)

⁸ *Аронсон Г.Я.* Русско-еврейская печать... – С. 575.

⁹ *Ландау Г.* Борьба за общественное начало. // Евр. мир. – 1910. – № 5. – Стб. 16–21.

¹⁰ *Mathias Acher* (Бирнбаум Н.). К спору о языках. // Там же. – 1910. – № 17. – Кол. 16–20; № 18. – Стб. 7–12

¹¹ *Ан-ский С.* Национализм творческий и национализм разговорный // Там же. – 1910. – № 19/20. – Кол. 12–20.

¹² Именем закона // Там же. – 1910. – № 18. – Стб. 1–4.

¹³ *Эльяшевич Д.* Правительственная политика и еврейская печать... – С. 422–423.

¹⁴ *Дубнов С.* Книга жизни... – С. 345

¹⁵ *Перельман А.* «Еврейский мир». Глава из воспоминаний... – С. 270–271.

¹⁶ Цит. по *Сальмон Л.* Глас из пустыни: Бен-Ами. История забытого писателя. – СПб. ; М., 2002. – С. 100.

¹⁷ Там же. – С. 101. В комментариях к тексту д-р Салмон пишет, что текст письма сохранился в фрагменте, без последнего листа и подписи автора, но по признакам почерка, по ее мнению, письмо принадлежит руке С. Ан-ского.

¹⁸ Письмо Раппопорта Семена Акимовича – Цензору Дмитрию Михайловичу. 15 декабря 1908 г. – Российский гос. арх. лит. и искусства, ф. 543, оп.1, ед. хр. 181, л. 1–2. – (далее –РГАЛИ).

¹⁹ Там же, л. 3.

²⁰ Там же, л. 4.

²¹ Там же, л.5.

²² Евр.мир. – 1910. – Февр. – С. 86–87.

²³ Там же – Июль. – С. 113.

²⁴ Там же – Ноябрь./дек. – С. 51

²⁵ *Перельман А.* «Еврейский мир». Глава из воспоминаний ... – С. 248.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. – С. 249.

²⁸ Письмо С. Ан-ского – А. Горнфельду. Б.д. – Российская нац. б-ка (РНБ), Отдел рукописей, ф. 211, № 912, л. 17.

²⁹ *Перельман А.* «Еврейский мир». Глава из воспоминаний... – С.250.

³⁰ *Штернберг Л.Я.* Сахалинские евреи (Из воспоминаний полит-заклоченного) / Л. Ш-г // Евр. мир. – 1909. – Июнь. – С. 99–114; Июль. – С. 91–112; Авг. – С. 5–26.

³¹ За участие в съезде «Народной Воли» в 1885 году Лев Штернберг был арестован, почти три года находился в одиночной камере, а после этого был сослан на Сахалин. Именно сахалинская ссылка сделала его ученым-этнографом, автором многочисленных работ о народах Дальнего Востока и островов. – См.: КЕЭ. – Т. 10. – Кол. 356–359.

³² Письма С.А. Раппопорта – Л.Я. Штернбергу. – Санкт-Петербургский филиал Арх. Российской акад. наук, ф. 282, оп. 2, ед. хр. 246.

³³ *Перельман А. С.М.* Гинзбург. // Вестн. Евр. ун-та. – 1999. – № 1. – С. 315.

³⁴ Письмо С. Ан-ского – Ш. Нигеру. [март 1909]. – YIVO Archive. File

RG 360 – Shmuel Niger Collection. – Письма, написанные на идиш, цитирую в переводах А. Рывкиной.

³⁵ *Niger S.* Певец богемы // Евр. мир. – 1909. – Июнь. – С. 40–49.

³⁶ *Niger S.* Х.Н. Бялик // Там же. – Авг. – С. 44–56

³⁷ Письмо С. Ан-ского – Ш. Нигеру. 30 сентября 1909. – YIVO Archive. File RG 360 – Shmuel Niger Collection.

³⁸ Письмо С. Ан-ского – Ш. Нигеру. [октябрь 1910]. – YIVO Archive. File RG 360 – Shmuel Niger Collection.

³⁹ Письмо С. Ан-ского – Ш. Нигеру. 27 декабря/9 января 1909. – YIVO Archive. File RG 360 – Shmuel Niger Collection.

⁴⁰ Письмо С. Ан-ского – Ш. Нигеру. [март 1909]. – YIVO Archive. File RG 360 – Shmuel Niger Collection.

⁴¹ ОФИ НБУВ, ф. 321, оп.2, ед. хр. 1–68.

⁴² Там же, ф. 339, № 357.

⁴³ Там же, № 451, л.1-1 об.

⁴⁴ Там же, л.3.

⁴⁵ Там же, ф. 321, оп. 2, № 56, л.2.

⁴⁶ Евр.обозрение. –СПб., 1910. – № 3. – Стб. 28–32; № 5. – Стб. 13–19; № 7 – Стб. 14–19; № 14. – Стб. 14–17.

⁴⁷ ОФИ НБУВ. Ф. 339. № 651. – Л. 1.

⁴⁸ Евр.обозрение. – 1910. – № 14. – Стб. 17.

⁴⁹ ОФИ НБУВ. Ф. 321, оп.2, ед. хр. 1–74.

⁵⁰ Евр. мир. – 1909. – Янв. – С. 50–8.

⁵¹ Там же. – Март. – С. 87–88.

⁵² Там же. – Июнь. – С. 64–98.

⁵³ Там же. – Ноябрь./дек. – С. 5-12.

⁵⁴ Там же. – Апр. – С. 80.

⁵⁵ *Ан-ский С.* Легенда (Из Д. Айнгорна) // Собр. соч. – СПб., [1911]. – Т. 1. – С.275-276.

⁵⁶ Евр. мир. – 1910. – № 1. – Стб. 3.

⁵⁷ Там же. – Кол.18.

⁵⁸ *Ан-ский С.* Парадоксы жизни и смерти // Евр. мир. – 1910. – № 1. – Стб. 19–20.

⁵⁹ Евр. мир. – 1910. – № 3. – Кол. 17–23.

⁶⁰ Там же. – № 23/24. – Кол. 14–22.

⁶¹ Там же. – Стб. 18.

⁶² Там же. – Стб. 20.

⁶³ Там же. – № 10. – Стб. 7–10; № 11. – Стб. 9–13.

⁶⁴ Там же. – № 10. – Кол. 7–8.

⁶⁵ *Ан-ский С.* Mah nischtano... // Еврейский мир. – 1910. – № 15/16. – Стб. 66–70.

⁶⁶ Там же. – Стб. 69–70.

⁶⁷ Евр. мир. – 1910. – № 1. – Стб. 38.

⁶⁸ На банкете в честь С.А. Ан-ского / И. Ч. // Евр. мир. – 1910. – № 3. – Стб. 38.

⁶⁹ *Ан-ский С.* Письмо по адресу // Евр. мир. – 1910. – № 26. – Стб. 13.

⁷⁰ Евр. мир. – 1910. – № 23/24. – Стб. 10–14.

⁷¹ Там же. – Кол. 14.

⁷² *Ан-ский С.* Письмо по адресу... – Стб. 14.

⁷³ Там же. – Кол. 15

⁷⁴ Евр. мир. – 1910. – № 19/20. – Стб. 12-20.

⁷⁵ *Нигер Ш.* О сочувствующих // Евр. обозрение. – 1910. – № 7. – Стб. 8–14.

⁷⁶ Там же. – Стб. 8.

⁷⁷ Там же. – Стб. 12.

⁷⁸ *Ан-ский С.* Национализм творческий... – Стб. 13.

⁷⁹ Там же. – Стб. 14.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же. – Стб. 15.

⁸² Ш. Нигер в статье «О сочувствующих» пишет: «вне еврейского языка нет способа, чтобы вернуться к народу».

⁸³ Там же. – Кол. 19-20.

⁸⁴ *Винавер М.* Революционер и фольклорист (С.А. Ан-ский) // Недавнее : (Воспоминания и характеристики). – 2-е изд., доп. – Париж, 1926. – С. 290.

Summary

Based on the documents from the fonds of the Manuscript Institute of the Vernadskyi National Library of Ukraine (fond 339) and the Russian State Archives of Literature and Arts, the collection of Russian-Jewish periodicals and other sources, the author reviews the history of foundation and publication of “*Yevreyskiy mir*” (“*The Jewish World*”, published in Saint-Petersburg in 1908–1911) as well as the work of the outstanding Jewish writer and ethnographer S. An-sky in the weekly. Social, political and cultural conditions of the publishing council’s work and polemical issues that appeared on the pages of “*Yevreyskiy mir*” are analyzed. The majority of archival documents in the article are introduced to scientific use for the first time.